

Второй этап — дебаты. Это было не сильной стороной Шэнь Чжу, поэтому он позволил своим подчиненным действовать на свое усмотрение.

— Эй, наверное, без премии нет мотивации, — с пониманием заметил Син Тянь. — Спорить, спорить... Это все равно что любить дракона, как Е Гун?

О чем вообще идет речь? Что-то вроде «все, что существует, имеет смысл»...

Что тут можно обсуждать?

Взгляд Шэнь Чжу постепенно рассеивался, и он скучающе открыл игру.

Син Тянь подгонял его:

— Быстрее, я нашел что-то интересное! Это топор!

Шэнь Чжу:

— Хм? Кастрюля...

— Твою кастрюлю украли, так что возьми это и проломи ему голову.

Из уголков рта Шэнь Чжу повалил дым, и он, разозлившись, сказал:

— Янь Юбин, атакуй его! Того, кто зовется «вода для мытья кастрюль».

Вода для мытья кастрюль...

С темным взглядом Янь Юцзю мягко улыбнулся и ответил:

— Хорошо, я сейчас подойду.

После того как тот человек успешно спровоцировал их, Янь Юцзю с улыбкой на лице прижал его к земле и основательно проучил, показав, как вести себя правильно.

Что значит «вода для мытья кастрюль»? Что он хотел сделать с этим мастером кастрюль?

Янь Юцзю улыбнулся: увижу еще раз — убью еще раз.

Син Тянь незаметно сжался, понимая, что ревнивый человек может быть весьма устрашающим.

Трое провели время за игрой, даже не обратив внимания на то, кто из них оказался сильнее.

Далее нужно было перейти к третьему этапу, который мог оказаться ненаучным, поэтому зрители перешли в другой зал.

Покинув место проведения обсуждения, Шэнь Чжу и его группа встретили давно ожидавшего Тан Цичжуна.

Тан Цичжун поздоровался, но ничего важного не сказал. Они тепло пообщались, укрепив отношения, и он ушел довольный.

Сражение проходило на арене, похожей на боксерский ринг, но в десять раз больше.

Иностранная делегация выставила Черного Уголька и парня с дредами.

На противоположной стороне был даос из школы Циншань.

Шэнь Чжу моргнул:

— Их двое?

Янь Юцзю:

— Они выступают в паре. Говорят, что парень с дредами — священник.

Шэнь Чжу моргнул:

— Священник?

Интересная профессия.

Шэнь Чжу внимательно осмотрел его:

— Может ли он вылечить рак и простуду?

Син Тянь фыркнул:

— Это зависит от его способностей. В любом случае, это сэкономит много денег на лекарствах.

Их компания ежегодно организует медосмотры для сотрудников, а из-за специфики работы раздает дорогие пищевые добавки.

Если бы они наняли священника, то смогли бы сэкономить на добавках и медосмотрах.

Шэнь Чжу пошевелил ушами, и его глаза загорелись интересом.

Даос использовал заклинания школы Циншань, тренируя внутреннюю энергию.

Он был легок, как перо, и на фоне массивного Черного Уголька казался маленьким и худощавым.

В его руках меч размахивался с такой силой, что создавал ветер.

Если даос шел по пути легкости и гибкости, то Черный Уголек был подобен бешеному быку, который носился вокруг, словно ему только что прицепили кольцо в нос.

За ним следовал священник, который ловко перемещался, постоянно восстанавливая здоровье и энергию.

Даос использовал желтый талисман, который самовоспламенился в воздухе.

Черный Уголек попал под струйку дыма, вскрикнул, и его кожа начала шипеть, обжигаясь.

Священник быстро переместился, бросил клочок шерсти на край арены, и пока даос рубил его, он исцелил Черного Уголька.

Шэнь Чжу нашел это весьма оригинальным и перестал играть в игру.

Он наклонился вперед, внимательно осматривая священника, который выглядел довольно уродливо.

У него были толстые губы, глубоко посаженные глаза, и каштановые дреды, которые обвивали его голову, словно пауки.

Но когда на его кончиках пальцев появился мягкий белый свет, он выглядел святым.

Если Черный Уголек был похож на наглого статиста, то священник был очень скромным, он действовал на арене строго по правилам, время от времени создавая небольшие проблемы.

Шэнь Чжу потер подбородок:

— Довольно интересно.

В их компании уже был временный врач для людей, Чжоу Цзиньянь, но не хватало священника.

Син Тянь фыркнул и с видом старого мудреца прокомментировал:

— Даос не справляется, один против двоих, это действительно сложно!

— Дядя Син, не бойся, я здесь! — Малыш Таоте ткнул Эршу и сказал детским голоском.

Син Тянь рассмеялся:

— Хорошо, хорошо, ты прямо сейчас устроишь перекус?

Малыш Таоте заинтересовался, украдкой взглянул на Шэнь Чжу, но не получил ответа.

Конечно, это было невозможно.

Син Тянь просто пошутил, не ожидая, что ребенок воспримет это всерьез, и поспешно отмахнулся:

— Не думай об этом. Это противозаконно.

Малыш Таоте:

.....

Дядя, ты вообще справляешься? Ты же бог войны, почему так труслив?

Шэнь Чжу бросил на них взгляд, но ничего не сказал.

Даос не смог выстоять, используя всего два талисмана, чтобы нанести Черному Угольку несколько поверхностных ран, и был побежден, вылетев за пределы арены от одного удара.

А Черный Уголек, когда даос уже проиграл, схватил его и вернул на арену, подло раздробив ему кость ноги.

— Ааа! — раздался душераздирающий крик.

Черный Уголек показал большой палец вниз, оскалив зубы:

— В стране Яньхуан что, больше никого нет?

Внезапно на арене и вокруг воцарилась тишина.

Черный Уголек был отвратительным человеком, его действия были личной мстостью, двойным неуважением к противнику и стране Яньхуан.

— Мастер Вэй уже сдался, а он все равно раздробил ему кость, чем это отличается от уничтожения чьей-то карьеры?!

— Это просто возмутительно! Возмутительно! — Гун Чжэнь буквально подпрыгнул от ярости.

Если меридианы даоса разорваны, восстановить их будет крайне сложно, его уровень культивации упадет, а продолжительность жизни сократится.

Этот иностранец был злобным, намеренно уничтожив мастера Вэя.

Сражения проводились случайным образом, молодые могли тренироваться, а желающие могли подать заявку, как это было раньше.

Ведь все это было внутренним соревнованием в стране Яньхуан, и все соблюдали правила.

Но когда их публично унижали и оскорбляли, даже у самых спокойных закипала кровь, не говоря уже о мастерах.

— Нельзя позволить им продолжать так себя вести, я отомщу за своего учителя!

— Ты не сможешь с ними справиться, позволь мне.

— Хех, вы боитесь? Вы боитесь? — Черный Уголек громко кричал.

Гун Пин огляделся вокруг и спокойно прыгнул на арену.

— Малыш, тебе есть пятнадцать? — Черный Уголек с глубокой злобой сказал. — У тебя такая нежная кожа, как у девчонки.

Гун Пин в начале своей карьеры действительно сталкивался с критикой из-за своей привлекательности, но после того, как он стал известен, об этом мало кто говорил.

— Ты как камень, у тебя в голове тоже камень? — Гун Пин спокойно ответил.

Черный Уголек замер, поняв, что его только что оскорбили, и злорадно улыбнулся:

— Не болтай, давай сразимся!

Гун Чжэнь вздрогнул, он знал своего сына.

Он казался спокойным и сдержанным, но на самом деле иногда был импульсивным и горячим. Мастер Вэй был опытным мастером.

Что Гун Пин мог сделать сейчас, кроме как быть сломанным...

Как отец Гун Пина, Гун Чжэнь испытывал двойное страдание, он беспокоился за безопасность сына и ненавидел иностранцев за их унижения.

Гун Пин действовал осторожно, на арене мелькали клинки, каждый удар противника был подобен тяжелому снаряду.

И каждый раз он попадал в запястья и суставы, увеличивая нагрузку.

С треском меч из персикового дерева был сломан, и Гун Пин одновременно был отброшен в сторону, из его рта хлынула кровь.

Черный Уголек злорадно протянул когтистую руку, намереваясь повторить предыдущее действие по уничтожению противника.

Внезапно мелькнула тень, и на его руке повис маленький ребенок, вцепившись зубами.

Гун Чжэнь бросился вперед, чтобы поймать сына, нажал на несколько важных точек на его теле, заставив его выплюнуть кровь, и дал ему лекарство.

Увидев, что сын принял лекарство и сел, сосредоточившись, Гун Чжэнь наконец вздохнул с облегчением.

Его сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

В момент, когда Гун Пин выплюнул кровь, рыжеволосый, который до этого находился в углу, резко поднял голову, его жестокие глаза сузились до щелочек.

Его нос непроизвольно дернулся, на висках выступили вены, а тело напряглось, слегка дрожа.

Это было похоже на то, как сухое дерево оживает, рыжеволосый внезапно обрел жизненные силы.

Его взгляд пристально следил за Гун Пином.

Черный Уголек был в ярости, он резко дернул рукой, чтобы сбросить маленького негодяя.

Лучше бы он сразу разбился.

Но Малыш Таоте перевернулся в воздухе и приземлился на арену.

Малыш Таоте нахмурился и мягко сказал:

— Каменный дух, он уже проиграл, зачем ты продолжаешь атаковать?

Каменный дух? Черный Уголек на мгновение замер, а затем его лицо потемнело:

— Ты про меня?

Малыш Таоте твердо кивнул:

— Ты такой тупой, что у тебя, наверное, и мозга нет. Что ты, если не каменный дух?

Черный Уголек:

.....

Черный Уголек был так зол, что его лицо исказилось, и он сквозь зубы произнес:

— Слабость — это преступление!

Кроме Гун Чжэня и еще нескольких человек, никто не знал, кто такой Малыш Таоте.

Увидев смелого малыша, даже мастер Вэй, которого только что спасли, забеспокоился:

— Быстрее, позовите его вниз, это...

Что такое Черный Уголек, лучше всех знал Малыш Таоте.

Он невинно моргнул своими влажными глазами:

— Если ты слаб, значит, я могу съесть тебя, и это не будет преступлением?

— Ха, конечно, если сможешь, — Черный Уголек, опьяненный двумя победами, был слишком самоуверен.

<http://bllate.org/book/16899/1567173>